

ЕЛЕНА СТЕПАНОВА

Теология в контексте: подлинность частного как вызов универсальности христианской истины. Введение

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-2-7-37>

Elena Stepanova

Theology in Context: The Authenticity of Particular as a Challenge to Christianity's Universal Truth. Introduction

Elena Stepanova — Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russia Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia). stepanova.elena.a@gmail.com

The recognition of the contextual nature of Christian theology is a relatively new phenomenon that has challenged the understanding of Christianity as the universal, eternal and unchanging truth equally authoritative for all times and peoples. The recent shift in understanding of the nature of theology could be interpreted as a recognition of its ability to incorporate specific socio-cultural contexts in which it arises, as well as human experience with all its achievements, complications and uncertainties. In the article, the contextuality of theology is considered, firstly, as its ability to transform the universal truth of Christianity in conformity with particular social circumstances; secondly, as a theological response to specific social, political, economic, cultural, environmental, etc. problems and situations. The author explains the emergence of contextual theology; analyzes the missiological approach towards contextuality; the interdependence of theology and socio-political processes; presents the types of contextual theology: liberation, feminist, black, queer and other theologies. Controversies associated with contextual nature of theology are highlighted, including excessive circumstanti-

ation and absolutization of otherhood, which complicates the dialogue between theologies that have arisen in different contexts. The conclusion which is drawn about the relationship between universality and particularity in contextual theology is that there are doctrinal claims shared by all Christians that transcend any specific socio-cultural context, and yet these claims negotiate dialectically with each context. Thus, universality of the Christian message arises from its ability to respond to any past, present or future specific human situation.

Keywords: theology, context, experience, eurocentrism, orthopraxis, liberation theologies, universality, particularity.

ХРИСТИАНСКАЯ теология с момента своего возникновения во всех своих конфессиональных разновидностях стремилась артикулировать себя как выражение истины, имеющее универсальный характер независимо от места, времени и обстоятельств своего появления. Одним из первых теологов, предположивших, что христианское послание в том виде, в каком оно дошло до нас в библейских текстах, не было чем-то возвышающимся над реальной историей, но являлось продуктом специфического контекста, в котором оно возникло, был Фридрих Шлейермахер¹. В дальнейшем каждый текст получил, по выражению немецких исследователей Нового Завета начала XX в., свой собственный *Sitz im Leben*², то есть оказался привязан к конкретным жизненным обстоятельствам, которые необходимо было исследовать для адекватного понимания его смысла. В ходе развития герменевтического подхода к текстам вообще и к библейским текстам как основному источнику теологической рефлексии в частности, было доказано, что смысл текста создается в процессе интерпретации, которая определяется социально-культурными обстоятельствами как писателя, так и читателя. Соответственно, всякое человеческое знание, включая теологическое, является контекстуальным по своей природе.

Если следовать этой логике, то можно утверждать, что теология всегда была контекстуальной, что доказывают, например,

1. См.: Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом», 2004.

2. См.: Gunkel, H. (1917) *Das Märchen im Alten Testament*. Tübingen: Mohr.

очевидные различия между элохистской и яхвистской версиями сотворения мира и истории еврейского народа в Ветхом Завете, а также вариации в интерпретации евангельской истории у синоптиков, у Иоанна и апостола Павла в Новом Завете. Контекстом учения каппадокийцев о троичности была борьба с арианством. Теология Августина развивалась в контексте споров по поводу ключевых вопросов для христианства: о необходимости благодати, о роли церкви, о соотношении земного и небесного града и т.д. Контекстом Фомы Аквинского было новое понимание соотношения разума и откровения и недавнее открытие философии Аристотеля; контекстом Мартина Лютера была широко распространенная коррупция в церкви и появление нового типа личности в западной культуре. Карл Барт и Карл Ранер пытались разобраться в том, что происходит в мире, раздираемом мировыми войнами, а специфическим контекстом Дитриха Бонхёффера была тюремная камера, в которой он провел последние годы жизни. Этот ряд примеров можно продолжать до бесконечности.

Безусловно, в истории христианской теологии всегда имели место дискуссии по тем или иным вопросам, однако долгое время они происходили в строго определенных, одобренных и регулируемых догматических рамках, а влияние изменявшихся социально-культурных обстоятельств на формирование теологических доктрин оставалось за пределами исследовательского интереса. Возникшее в 1960–70-х гг. представление о теологии как о продукте конкретного историко-культурного контекста, которое будет рассмотрено ниже, принципиально изменило понимание ее сущности. В самом общем виде это изменение можно определить как признание способности теологии, подобно другим видам человеческого знания, инкорпорировать в свое содержание специфический социально-культурный контекст, а также человеческий опыт со всеми его противоречиями и проблемами. Другими словами, это способность трансформировать универсальную истину христианства применительно к конкретным обстоятельствам. Таким образом, определение теологии в качестве контекстуальной радикально отличается от сложившегося веками восприятия ее как дисциплины, которая, будучи инспирирована свыше, является носителем универсальной истины и опирается на такие безусловно авторитетные, неизменные и независимые от контекста *logi theologici*, как Писание и традиция.

Итак, контекстуальная теология может пониматься в двух смыслах: в широком смысле это анализ всякой теологии с точки зрения ее зависимости от контекста, в котором она возникла; в узком смысле это теологический ответ на конкретные современные социальные, политические, экономические, культурные, экологические и т.д. проблемы и ситуации. Но главная специфическая черта теологии, определяемой как контекстуальной, заключается в том, что в ней признание исключительной важности контекста *осознанно* помещается в центр теологического исследования. По словам Энджи Пирс из Университета Лестера (Великобритания), «под “контекстуальной теологией” подразумевается христианская теология, которая полностью определяется и движется признанием своей контекстуальной природы со всеми ее противоречивыми и проблематичными последствиями»³.

Ниже будут рассмотрены причины возникновения контекстуального подхода к теологии и его основные особенности, а также поставлены некоторые исследовательские вопросы, которые возникают в этой связи: во-первых, в какой степени контекстуальная теология привязана к своему контексту, а в какой она его превосходит? Во-вторых, можно ли выделить нечто общее в теологиях, сформированных в разных контекстах, а именно то, что определяет собой христианскую идентичность и не зависит от контекста? Наконец, каким должно быть соотношение Писания, традиции и частного человеческого опыта в христианской теологии, претендующей на универсальность?

Эти вопросы в эпистемологическом плане стали особенно актуальными в условиях постмодернистского и постструктуралистского вывода об изменчивом характере человеческого знания и, следовательно, сомнения в возможности переноса некоей истины, претендующей на универсальность, из одного контекста в другой — сомнения, оказывающегося сегодня серьезным вызовом для человеческого знания в целом и для теологии в частности.

Новые контексты теологии во второй половине XX в.

Осознание контекстуальной природы теологии — это сравнительно новое явление, пришедшее на смену универсалистскому по-

3. Pears, A. (2010) *Doing Contextual Theology*, p. 1. London: Routledge.

ниманию христианства как вечной и неизменной истины, одинаково авторитетной для всех времен и народов, которое начиная с XVI в. было свойственно католическим и протестантским миссионерам в Латинской Америке, Африке и Азии. Изменение восприятия теологии как носительницы универсальной истины особенно ускорилось во второй половине XX в. Одной из причин этого стало смещение центра христианского мира от глобального Севера к глобальному югу — Африке, Азии и Латинской Америке, где сегодня существуют самые большие христианские общины в мире. Как пишет американский исследователь христианства Филип Дженкинс (со ссылкой на кенийского англиканского священника и теолога Джона Мбити), если визуализировать образ типичного современного христианина, это будет нигерийская крестьянка или жительница бразильской фавелы, а центрами христианской жизни сегодня являются не Рим, Афины, Женева, Лондон или Нью-Йорк, но Киншаса, Буэнос-Айрес, Аддис-Абеба и Манила⁴.

Появление христианства в новых местах означает, что его последователи не являются наследниками еврейской ветхозаветной традиции, греческой философии и римской цивилизации. Они не интересуются метафизической проблемой сущности Бога, не воспринимают в качестве авторитетных теории западных и восточных теологов, на протяжении многих веков озабоченных этой тематикой, а их понимание справедливости совершенно отлочно от западного. Это обстоятельство привело к глубокому парадигмальному сдвигу в теологическом мышлении, связанному с возникновением новых теологий в иных социально-культурных контекстах.

Южноафриканский миссиолог Дэвид Бош, описывая эпистемологический разрыв контекстуальной теологии с традиционными теологическими системами, подчеркивал следующее:

Если, по крайней мере, со времен Константина, теология осуществлялась сверху как элитарное занятие (за исключением небольших христианских сообществ, обычно определяемых в качестве сект), ее основным источником (кроме Писания и традиции) была философия, а ее главным контрагентом — образованный неверующий, то контекстуальная теология — это теология «снизу», «со дна

4. Jenkins, P. (2011) *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*, p. 2. Oxford University Press.

истории» [*underside of history*]; ее основным источником (кроме Писания и традиции) являются социальные науки, а ее основной контрагент — это бедные люди или представители маргинальных культур⁵.

Столкновение двух типов теологии во второй половине XX в. получило еще одно измерение, связанное с возникшим в постколониальный период критическим отношением к нормативности евроцентричного христианства для христиан за пределами Европы и Северной Америки. Как отмечал в этой связи Ф. Дженкинс, на протяжении длительного времени «европейские христиане интерпретировали веру сквозь призму своих собственных представлений о социальных и гендерных отношениях и затем вообразили, что их специфический культурный синтез являлся единственной правильной версией христианской истины»⁶, которую следовало распространять по всему миру. Согласно современной критике евроцентризма, западная теология — как консервативная, так и либеральная — несмотря на претензию на универсальность и нейтральность, на самом деле является орудием западной экспансии и устройства мира по западному образцу⁷.

Так, история христианского миссионерства в африканских странах в доколониальный (1415–1919 гг.), колониальный (1920–1959 гг.) и постколониальный периоды (по настоящее время) демонстрирует различные типы контекстуализации, связанные с постепенным отказом от евроцентризма: от восприятия африканской культуры как *tabula rasa*, которую необходимо было научить говорить на новом, привнесённом извне языке христианства как высшей формы религии, через провозглашение христианства как главного фактора социальной модернизации в ее западной версии, что требовало отказа от привычного стиля жизни, к признанию исключительной роли самобытной культуры в придании христианскому учению, воспринимаемому в конкретном социальном контексте африканских стран, смысла и значения⁸. Этот последний тип уже в конце 1950-х гг. породил раз-

5. Bosch, D.J. (2011) *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*, p. 433. Orbis Books.
6. Jenkins, P. *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*, p. 7.
7. См.: Sanneh L. (2003) *Whose Religion Is Christianity? The Gospel Beyond the West*. Eerdmans Publishing Company.
8. Dei, D. (2019) “An Integrated Approach to Theological Contextualization in Africa”, *Currents in Theology and Mission* 46(3).

нообразии литургических практик и богатую теологическую литературу, авторами которой были представители разных христианских конфессий, существующих в африканских (и не только!) странах. Их главной целью была инкультурация, т.е. перевод христианского послания на язык, понятный жителям этих стран в их непосредственных жизненных обстоятельствах, деконструкция западного колониального и миссионерского представления об африканцах, а также переосмысление и сохранение уникальной африканской идентичности и культурного наследия⁹. Новые подходы затем были осмыслены в категориях контекстуального подхода к теологии.

Самоосознание контекстуальной теологии в миссиологическом контексте

Впервые термин «контекстуализация» был употреблен в публикации Фонда теологического образования (*Theological Education Fund, TEF*), учрежденного в начале 1960-х гг. в рамках Всемирного совета церквей (*World Council of Churches, WCC*) для содействия развитию теологического образования в странах «третьего мира». Авторы этой публикации, сотрудники Фонда Шоки Коу (Тайвань) и Аарон Сапсезян (Бразилия) подчеркивали следующее:

Контекстуализация — это способность дать осмысленный ответ на Благоую весть в рамках собственной ситуации [людей]... Контекстуализация... принимает во внимание секуляризацию, технологическое развитие и борьбу за человеческую справедливость, которая характеризует текущий исторический момент в жизни наций «третьего мира»... Аутентичная контекстуализация всегда является пророческой, она всегда возникает из подлинной встречи Слова Божьего и Его мира, она заключается в вопрошании ситуации и в ее изменении через укорененность в текущем историческом моменте и приверженность ему¹⁰.

9. Ezigbo, V.I. (2010) *Re-imagining African Christologies: Conversing with the Interpretations and Appropriations of Jesus in Contemporary African Theology*, p. 4. Eugene: Pickwick Publications. See also: Turaki, Y. (2020) *Engaging Religions and Worldviews in Africa: A Christian Theological Method*. Langham Publishing.

10. *Ministry in Context: The Third Mandate Programme of the Theological Education Fund (1970–77)* (1972), pp. 20–21. London: Theological Education Fund, WCC.

Необходимость контекстуализации в рамках новых подходов к христианской миссии в странах, не относящихся к западному *Christendom*, была продиктована несколькими причинами: во-первых, неудовлетворенностью прежним евроцентричным пониманием христианства, преобладавшим в теологическом образовании в странах «третьего мира» в колониальный период; во-вторых, популярностью историко-критического подхода к библейским текстам, который на протяжении последних трехсот лет выявил множество противоречий между ними, поставив тем самым под сомнение их одинаковую авторитетность; в-третьих, настоятельной потребностью найти в библейских текстах ответы на актуальные проблемы, связанные со становлением новых независимых государств и обретением ими новой идентичности¹¹.

Итак, контекстуальная теология как концепт в 1960–70-х гг. возникала в контексте христианского миссионерства, которое столкнулось с необходимостью изменения традиционных подходов в силу изменившейся социально-политической ситуации в бывших колониях, в частности в Африке. Одним из первых сущность изменений в миссионерском подходе в 1985 г. проанализировал католический теолог Роберт Шрайтер в книге «Формирование локальных богословий» (*Constructing Local Theologies*). Он подчеркивал, что традиционный подход в теологии больше не был в состоянии ответить на вопросы, возникшие в ходе столкновения универсального христианства и локальных ситуаций, а проблемы, занимавшие западную церковь, были весьма далеки от проблем, стоявших перед людьми в других социально-культурных контекстах. Новый подход в теологии заключался в отказе от приложения универсального христианства к любому контексту и в переключении внимания на сам этот контекст для понимания того, что христианство может в него привнести¹². Кроме всего прочего, Шрайтер поставил вопрос о соотношении различных локальных теологий друг с другом и с традицией в смысле их христианской идентичности. Для него локальные теологии, поскольку они возникают на почве конкретных культурных традиций и опыта локальных сообществ,

11. Hesselgrave, D.J., Rommen, E. (eds) (2000) *Contextualization: Meanings, Methods, and Models*, pp. 29–33. Pasadena, California: William Carey Library.

12. Schreiter, R.J. (1985) *Constructing Local Theologies*, p. 4. Orbis Books (на русском языке: Шрайтер Р. Формирование локальных богословий. СПб: «Библия для всех», 2005).

сами оказываются инструментом духовного роста и укрепления веры: «Теология должна быть чем-то большим, нежели чутким анализом культуры и традиций. Она всегда существует во имя сообщества»¹³.

Сильвия Маркос в этом номере журнала в статье «*Teología India*: вклад коренных народов Мексики в контекстуальную теологию» анализирует, как *Teología India* (разновидность теологии освобождения, в которой учитываются религиозные представления майя) выстраивает теологическую перспективу в гармонии со вселенной майя и ее представлением о непрерывном перетекании друг в друга материального и духовного начал мира. Статья демонстрирует богатые возможности диалога универсальной культуры христианства и религиозного опыта местного сообщества.

Один из самых известных адептов контекстуальной теологии, американский католический миссиолог Стивен Бивенс¹⁴, подчеркивал, что она всегда осуществляется как в диалоге с прошлым опытом, записанным в Писании, так и с опытом настоящего, который состоит из непосредственных социальных и личностных обстоятельств человеческой жизни, культурной и религиозной идентичности и особенностей социально-политической ситуации в той или иной стране¹⁵. По мысли Бивенса, если мы признаем, что Писание и традиция являются свидетельством опыта, мы также должны признавать, что контекстуальная теология — это то же самое, чем занимались авторы Писания и те, кто формировал традицию. В этом смысле, писал он, «мы — такие же как они: как составитель пророчеств Исайи, как Павел, как Афанасий, как Хильдегарда, как Лютер и Уэсли»¹⁶, а наш сегодняшний опыт теологии равен Писанию и традиции в смысле верности Благой вести, оказываясь еще одним источником теологии (*locus theologicus*).

Главная идея Бивенса, высказанная им в многочисленных публикациях, начиная с первого (1992 г.) издания его книги «Модели контекстуальной теологии» (*Models of Contextual Theology*),

13. Ibid., p. 24.

14. Irvin, D.T., Phan, P.C. (eds) (2018) *Christian Mission, Contextual Theology, Prophetic Dialogue: Essays in Honor of Stephen B. Bevans, SVD*. Orbis Books.

15. Bevans, S.B. (2018) *Essays in Contextual Theology*, p. 2. Boston: Brill.

16. Bevans, S.B. (2012) "What Has Contextual Theology to Offer the Church of the Twenty-First Century?", in S.B. Bevans, K. Tahaafe-Williams (eds) *Contextual Theology for the Twenty-First Century*, p. 10. James Clarke Company.

заключается в том, что такого явления, как «теология вообще», не существует, всякая теология является контекстуальной, другими словами, контекстуальность теологии не опциональна, но императивна¹⁷. Бивенс разработал схему контекстуализации, включающую шесть типов (моделей), которые могут существовать как совместно, так и по отдельности:

- Модель перевода (*translation model*) строится на необходимости передачи христианского послания в форме, эквивалентной конкретной культуре, подобно тому, как первоначальные авторы Библии облакали послание в формы, которые были понятны исходной аудитории¹⁸.
- Антропологическая модель (*anthropological model*) основана на утверждении одинаковой ценности всего человечества и на идее откровения Бога в каждой культуре. Соответственно, задача теолога состоит не в привнесении христианства в культуру, но в обнаружении самооткровения, вплетенного в ткань культуры¹⁹.
- Модель праксиса (*praxis model*) подчеркивает важность социальных изменений в артикуляции христианского послания в разных культурах. Она основана на убеждении в Божьем самооткровении как продолжающемся действии по спасению человечества и демонстрации путей, направленных в будущее²⁰.
- Синтетическая модель (*synthetic model*) основана на уверенности в том, что эффективное провозглашение христианского послания возможно только в диалоге с конкретной культурой, в котором это послание обретает свою полноту и смысл²¹.
- Трансцендентальная модель (*transcendental model*) основана на необходимости субъективной встречи с самооткровением Бога и на рефлексии теолога по поводу собственного культурно-религиозного контекста. Ключевые предпосылки этой модели заключаются в том, что, во-первых, каждый человек, будь то теолог или реципиент теологии, воспринимает христианское послание только через личную

17. Bevans, S.B. (2002) *Models of Contextual Theology*, p. 3. Orbis Books.

18. Ibid., p. 37.

19. Ibid., p. 54.

20. Ibid., p. 70.

21. Ibid., p. 88.

встречу с Богом; во-вторых, средства постижения истины христианского послания не могут быть монополизированы какой-то одной культурой в определенный исторический период, следовательно, они могут передаваться из одной культуры в другую²².

- Контркультурная модель (*countercultural model*) подчеркивает возможность строить теологию на основе человеческого опыта и социально-культурного контекста, но в то же время необходимость подвергать их критике с высоты Благой вести. Хотя контекст важен для ее понимания, тем не менее, в центре христианского опыта лежит именно Благая весть, и откровение Христа на самом деле выходит за пределы любого контекста; оно способно бросать ему вызов, но в то же время может встроиться в любой контекст²³.

В 1980–90-х гг. контекстуальная теология стала предметом изучения и развития в некоторых европейских университетах. В 1985 г. в рамках Департамента католической теологии Университета Гете (Франкфурт-на-Майне, Германия) была организована ассоциация межкультурной теологии (*Theologie interkulturell*)²⁴ для поиска новых путей разрешения противоречия между универсалистской и партикуляристской перспективами христианской теологии. В 1991 г. шведский теолог Пер Фростин инициировал создание Института контекстуальной теологии в Университете Лунда (Швеция). Он оценивал возникновение теологий «третьего мира» в качестве эпистемологической революции, которую следовало защищать от евроцентричного «гегемонистского постулата»²⁵ как претензии на универсальную истину и подчеркивал важность солидарности с бедными в качестве не просто этической, но эпистемологической необходимости²⁶.

Еще одним инициатором создания Института контекстуальной теологии в Университете Лунда был норвежский исследователь религии Сигурд Бергман. В своей книге «Бог в контек-

22. Ibid., p. 103.

23. Ibid., p. 118. См. также: Bevans, S.B. *Essays in Contextual Theology*, pp. 6–27.

24. Theologie interkulturell. Goethe-Universität [<https://www.uni-frankfurt.de/78507772/THI>], accessed on 1.06.2021].

25. Frostin, P. (1985) “The hermeneutics of the Poor — The epistemological ‘break’ in Third World theologies”, *Studia Theologica — Nordic Journal of Theology* 39(1): 131.

26. Ibid., p. 136. См. также: Frostin, P. (1992) “Systematic theology in a pluralistic society”, *Studia Theologica — Nordic Journal of Theology* 46(1).

сте: обзор контекстуальной теологии» (*God in Context: A Survey of Contextual Theology*, 2003) он определил сущность контекстуальной теологии как открытость продолжающемуся откровению Бога во всех местах, где живут люди. В этой связи Бергман поставил вопрос о месте теологии в современном мире, о необходимости для нее выйти за рамки конфессиональной деятельности, происходящей за закрытыми дверями, и обратиться к актуальному человеческому опыту, прежде всего к опыту страданий и угнетения²⁷. Этот последний мотив отражает еще одну важную черту эпистемологического разрыва между традиционной и контекстуальной теологией, а именно отказ от статического восприятия мира как объекта теологической рефлексии, цель которой заключалась в легитимации ее евроцентричной версии в качестве нормативной, и переход к пониманию мира как незавершенного объекта, а теологии — как способа его изменения²⁸. В этом номере журнала помещена рецензия А. Меньшикова на недавно вышедшую книгу под редакцией Сигурда Бергмана и Мики Вякьякангаса «Контекстуальная теология: умения и практики освобождающей веры» (*Contextual Theology: Skills and Practices of Liberating Faith*, 2021).

Контекстуальная теология как теология ортопраксиса

Итак, как подчеркивает Дэвид Бош, контекстуальная теология переворачивает вверх дном привычную последовательность, в которой практика следовала за теорией, вернее, теперь они оказываются теснейшим образом связанными, и цитирует в этой связи слова иезуитского теолога из Индии Сэмюэля Райана: «В нашей методологии практика и теория, действие и рефлексия, дискуссия и молитва, движение и молчание, социальный анализ и религиозная герменевтика, включенность и созерцание образуют единый процесс»²⁹.

Как уже отмечалось выше, контекстуальная теология в узком смысле может пониматься как ответ на конкретные современные проблемы, возникающие в разных социально-политических и культурных контекстах. Обычно к этому узкому пониманию

27. Bergmann, S. (2003) *God in Context: A Survey of Contextual Theology*, p. 3. Ashgate.

28. Appiah-Kubi, K., Torres, S. (eds) (1979) *African Theology en route*, p. 5. Maryknoll, New York: Orbis Books.

29. Bosch, D.J. *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*, p. 435.

причисляют разнообразные «теологии освобождения», возникшие в 1960–70-е гг., прежде всего, их родоначальницу — латиноамериканскую теологию освобождения, а также феминистскую теологию, черную теологию, вуманистскую (*womanist*) теологию³⁰, постколониальную теологию³¹, корейскую теологию Минджанг («народную теологию»)³² и др., контекстом которых выступил разнообразный опыт угнетения, несправедливости и эксклюзии. Кроме того, к контекстуальным теологиям, на которые в той или иной степени повлияли подходы теологии освобождения, относят экологическую теологию, теологию тела³³, теологию ограниченных возможностей³⁴, теологию секса³⁵, квир-теологию³⁶ и др. Главная особенность теологий этого типа — это сознательное и подчеркнутое помещение конкретного контекста в самый центр теологической рефлексии (кроме опыта угнетения, это могут быть гендерные, экологические, расовые, этнические, медицинские, сексуальные и другие проблемы).

В этом номере журнала опубликованы две статьи подобного типа. Гильермо Кербер в статье «Экологическая проблематика в контекстуальной и межконтекстуальной политической теологии» рассматривает некоторые современные теологические труды, которые посвящены переосмыслению представления о месте человека в творении и ответственности за него, а также инициативы римско-католической церкви, которые направлены на созидание справедливого общества в экологическом смысле. Лорел

30. Walker, A. (1983) *In Search of our Mothers' Gardens: Womanist Prose*. Harcourt Brace Jovanovich; Grant, J. (1989) *White Women's Christ and Black Women's Jesus: Feminist Christology and Womanist Response*. Atlanta: Scholars Press.
31. Joy, D., Duggan, J. (eds) (2012) *Decolonizing the Body of Christ: Theology and Theory after Empire?* Springer; Brett, M., Havea, J. (eds) (2014) *Colonial Contexts and Postcolonial Theologies: Storyweaving in the Asia-Pacific*. Palgrave Macmillan.
32. Kim, A.E. (2018) "Minjung Theology in Contemporary Korea: Liberation Theology and a Reconsideration of Secularization Theory", *Religions* 9(12).
33. Nelson, J.B. (1992) *Body Theology*. Westminster John Knox Press; Pope John Paul II (1997) *The Theology of the Body: Human Love in the Divine Plan*. Pauline Books & Media.
34. Swinton, J. (ed.) (2005) *Critical Reflections on Stanley Hauerwas' Theology of Disability: Disabling Society, Enabling Theology*. London: Routledge.
35. Jensen, D.H. (2013) *God, Desire, and a Theology of Human Sexuality*. Westminster John Knox Press.
36. Stuart, E. (1997) *Religion Is a Queer Thing: A Guide to the Christian Faith for Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgendered People*. Cassell; Shore-Goss, R.E., et. al. (eds) (2013) *Queering Christianity: Finding a Place at the Table for LGBTQI Christians*. ABC-CLIO.

Шнайдер в статье «Гомосексуальность, квир-теория и христианская теология» рассматривает некоторые аспекты современных теологических дебатов, связанных с авторитетностью традиций, которые определяют социальные нормы в сфере гендера и сексуальной идентичности. Речь идет о возможности такой христианской теологии, в которой акцент делается не на традиции и заповедях, а на справедливости и инклюзивности.

Если попытаться выделить некоторые общие черты контекстуальных теологий, не вдаваясь в детали этой необъятной темы, то следует начать с тех новых сюжетов, которые появились уже внутри традиционных теологий. Так, латиноамериканская «теология освобождения», возникшая в социально-политическом контексте стран Латинской Америки, положила начало рассмотрению традиционных богословских проблем применительно к жизненной практике людей, по тем или иным причинам находящихся в состоянии социального угнетения: бедноты, населения «третьего мира», представителей расовых и национальных меньшинств и т.п. Прежние теологические сюжеты, касавшиеся сущности Бога и самоопределения человека по отношению к трансцендентному началу, были интерпретированы как выражение евроцентризма и рассмотрения «белого западноевропейского мужчины» в качестве парадигмального типа человека, что было признано весьма далеким от реального экономического социально-политического статуса многих людей в современном мире.

Именно угнетение было интерпретировано как единственный ключ к адекватному пониманию новозаветного послания, поскольку первоначально оно было адресовано людям, имевшим аналогичный опыт. Важный для теологии освобождения принцип католического социального учения «преимущественного выбора в пользу бедных» (*preferential option for the poor*³⁷) характеризует, кроме всего прочего, особую герменевтическую оптику в интерпретации Писания и практическую направленность теологии, которая тем самым перенеслась в область политики. По мнению американской исследовательницы Лилиан Баргер, либеральная теология ознаменовала собой конец современных попыток сохранить «пагубный и непродуктивный миф о разделении ме-

37. Schlag, M. (2019) "The Preferential Option for the Poor and Catholic Social Teaching", in E.V. Bradley, C. Brugger (eds) *Catholic Social Teaching: A Volume of Scholarly Essays*, pp. 468–482. Cambridge University Press.

жду секулярным и религиозным. Бросив вызов разделению между священным и светским, теологи освобождения открыли путь для полномасштабного проникновения религиозных сюжетов в политическую сферу»³⁸.

Отличительной чертой «теологии освобождения» является не только ее центральная тема — недостижимость христианского спасения без экономического, политического, социального и идеологического освобождения людей, — но и ее социальный носитель. Она явилась не только результатом размышлений ученых-теологов, но вытекала из опыта угнетенных народов в их борьбе с политическими и экономическими системами. Тема освобождения выражала как надежду, так и цель этой борьбы. Для ее представителей освобождение есть символ спасения *par excellence*. Согласно родоначальнику этого движения, перуанскому доминиканскому священнику Густаво Гутьерресу, концепция освобождения имеет три различных уровня: политический, исторический и теологический.

Освобождение является прежде всего социально-политическим действием, восстанавливающим социальную справедливость и дающим людям возможность развивать в себе чувство собственного достоинства. В теологическом смысле освобождение — это свобода от греха и эгоизма и восстановление отношений с Богом и другими людьми. Всякая теология, считает Гутьеррес, имеет политический смысл; теология освобождения просто делает этот смысл явным и со всей определенностью занимает сторону социально и политически угнетенных слоев. Теология освобождения — это «теологическая рефлексия, рожденная из опыта совместных усилий, направленных на уничтожение существующей несправедливой ситуации и построение другого — более свободного и гуманного — общества»³⁹.

Теология освобождения вызвала широкий отклик у женщин, представителей черной расы, у народов «третьего мира» и других людей, которые прежде не принимали участия в развитии теологии. Все они привнесли в теологические исследования ра-

38. Barger, L.C. (2018) *The World Come of Age: An Intellectual History of Liberation Theology*, p. 5. Oxford University Press.

39. Gutierrez, G.A. (1988) *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*, p. xiii. London: SCM. See also: Segundo, J.L. (1976). *The Liberation of Theology*. Maryknoll, New York: Orbis Books; Bonino J.M. (1975) *Doing Theology in a Revolutionary Situation*. Fortress Press; Sobrino, J. (1978) *Christology at the Crossroads: A Latin American Approach*. Orbis Books; Boff, L. (1979) *Liberating Grace*. Orbis Books.

нее неизвестную социальную перспективу и бросили вызов многим традиционным положениям, как, например, употреблению патриархальных и монархических образов по отношению к Богу. Теология освобождения ввела принцип корреляции между священным текстом, читателем и контекстом: с ее точки зрения, правильное понимание Библии оказалось возможным только с точки зрения бедных. Эту идею подхватила феминистская теология (Розмари Р. Рютер, Элизабет Шлюссер Фиоренца и др.⁴⁰), провозгласившая идею субъектности женщин как персонажей священных текстов, авторов их интерпретации и участников богослужебной практики. Для феминистских теологов как авторы, так и читатели Библии не являются универсальными личностями, нейтральными в гендерном смысле, которые пишут, читают и интерпретируют библейский текст с «объективной» точки зрения. В этом номере журнала специфические особенности библейской критики с позиций феминистской теологии анализируются в статье Эми Мадлен Уолтерс «Элизабет Шлюссер Фиоренца и поиск исторического Иисуса». За несколько десятилетий своего развития феминистская теология прошла сложный и противоречивый путь развития и возникновения новых сюжетов и тенденций⁴¹; при этом она оказала существенное влияние на изменение представления о лидерстве женщин в религиозных деноминациях и в обществе в целом.

«Черная теология» (*Black Theology*), возникшая в США в 1960-х годах в контексте Движения за гражданские права и затем распространившаяся в Великобритании, Нидерландах, Бразилии, Южной Африке и в других африканских странах (Джеймс Коун, Дуайт Хопкинс, Аллан Бусак и др.⁴²), — это теология, направленная на освобождение черных и борьбу с белым расизмом, который рассматривается как «религия белых», противостоящая подлинному христианству и долгое время искажавшая христианское

40. Ruether R. (1975) *New Woman — New Earth: Sexist Ideologies and Human Liberation*. Seabury Press; Schussler Fiorenza E. (1998) *Sharing her Word: Feminist Biblical Interpretation in Context*. Continuum International Publishing Group; McFague S. (1982) *Metaphorical Theology: Models of God in Religious Language*. Fortress Press.

41. Pears, A. *Doing Contextual Theology*, pp. 79–109.

42. Boesak, A.A. (1977) *Farewell to Innocence. A Social-Ethical Study on Black Theology and Black Power*. Kampen: Uitgeversmaatschappij J.H. Kok; Cone, J.H. (1969) *Black Theology and Black Power*. Seabury Press; Hopkins, D. N. (1999) *Introducing Black Theology of Liberation* (Maryknoll, New York: Orbis; Hopkins, D.N., Lewis, M. (2009) *Another World is Possible: Spiritualities and Religions of Global Darker Peoples*. London: Equinox; Reddie, A. (2012) *Black Theology*. Hymns Ancient and Modern Ltd.

учение с целью оправдания рабства. Эта теология «есть форма разговора о Боге, которая стремится ответить на глубоко укорененные расистские представления о людях с темной кожей, возникшие в культурном воображении евроамериканцев»⁴³. Отличительной чертой черной теологии является ожидание черного Мессии и утверждение важного духовного смысла, связанного с цветом кожи. Как писал Джеймс Коун,

Черный теолог должен отвергнуть всякую концепцию Бога, которая подавляет самоопределение черных, изображая Бога как Бога всех людей. Либо Бог идентифицируется с угнетенными до такой степени, что их опыт становится опытом Бога, либо Бог — это Бог расизма... Чернота Бога означает, что Бог сделал состояние угнетения своим собственным состоянием. В этом заключается сущность библейского откровения. Выбор рабов-израильтян в качестве народа Божьего и кенозис Иисуса Христа дает человеческой расе понять, что Бог находится там, где люди испытывают унижение и страдания... Освобождение — это не последствие, но сама сущность божественной деятельности⁴⁴.

В этом номере журнала Джеймсу Коуну посвящена статья Селюсьена Л. Джозефа «Джеймс Х. Коун и черная теология», в которой подробно рассматривается его интеллектуальная биография, происхождение и основные идеи «черной теологии» как специфической разновидности теологии освобождения.

Черную теологию следует отличать от африканской теологии, постколониальной теологии и т.д.⁴⁵ Важной чертой этой теологии является интерпретация экзистенциального опыта черных в истории и современности и тем самым преодоление традиционного понимания теологии в качестве метафизического учения о Боге и спасении в грядущем Царстве Божьем. По словам одного из ведущих авторов этого направления, южноафриканского реформатского теолога Аллана Бусака, контекстуальность здесь определяется именно цветом кожи: «Опыт черных создает основу, в рамках которой черные понимают откровение Бога

43. Reddie, A. *Black Theology*, p. 5.

44. Cone, J.H. (1970) *A Black Theology of Liberation*, pp. 63–64. Philadelphia: J. P. Lippincott.

45. Hesselgrave, D.J., Rommen, E. (eds) *Contextualization: Meanings, Methods, and Models*, p. 96.

в Иисусе Христе. Не больше, но и не меньше»⁴⁶. И далее: «Черная теология как контекстуальная теология — это попытка черных найти способ выражения своей ситуации... Чернота [blackness] — это жизненная категория, которая включает в себя тотальность повседневного существования черных»⁴⁷. При этом, как писал Джеймс Коун, «чернота Христа» не есть просто констатация цвета кожи, но «трансцендентное подтверждение того, что Бог никогда не оставляет угнетенных в их борьбе. Он был с ними в Египте при фараоне, он остается с ними в Америке, Африке и Латинской Америке, и он придет в конце времен, чтобы завершить их человеческую свободу»⁴⁸.

Если обратиться теперь к типу контекстуальных теологий, положивших в свою основу теологическую рефлексию по поводу той или иной социально-культурной проблематики, то здесь следует выделить квир-теологию, которая занята проблемами нетрадиционной сексуальности, трансгендера и т.п. Неоднозначность квир-теологии следует уже из названия, в котором, помимо его непосредственного смысла, теология в широком смысле предстает как «странная», «необычная», «шокирующая» и т.д. Как правило, контекстуальные теологии стремятся в той или иной степени опереться на Библию как на первоисточник. Так, теологии освобождения используют в качестве символа исход евреев из Египта, феминистская теология подчеркивает важную роль женщин в библейской истории (или, наоборот, исследует принижение этой роли), черная теология и постколониальные теологии опираются на кенозис и страсти Христовы и т.д. В отличие от них квир-теология использует библейские тексты для доказательства эксклюзивного характера христианства, которое на протяжении веков критически оценивало и отвергало некоторые социальные группы, считавшиеся ненормативными в том или ином контексте⁴⁹. В этом квир-теология следует общей цели теологий освобождения, призванных вернуть исключенные социальные группы в поле зрения теологии. Более того, представители квир-теологии утверждают, что именно их направление соответствует самой сущности христианской теологии:

46. Boesak, A.A. *Farewell to Innocence. A Social-Ethical Study on Black Theology and Black Power*, p. 3.

47. Ibid., p. 124.

48. Cone, J.H. (1977) *God of the Oppressed*, p. 137. СПСК.

49. Greenough, C. (2019) *Queer Theologies: The Basics*. London: Routledge.

Теология — это необычная [*queer*] вещь... На самом деле это очень странная вещь, особенно для тех, кто живет на современном Западе в двадцать первом веке, поскольку теология идет вразрез с миром, озабоченном исключительно материальным потреблением... В противовес этому теология релятивизирует все земные цели, настаивая на том, что для понимания себя мы должны ощутить нашу ориентацию на непознанное, из которого все исходит и к которому все возвращается, на то, что, как дерзает утверждать христианская теология, известно и постижимо через жизнь Иисуса⁵⁰.

Кроме всего прочего, у авторов квир-теологии, как и у представителей других разновидностей контекстуальной теологии, принято снабжать свои публикации некоторыми деталями о своей собственной сексуальной и гендерной идентичности для связи личного контекста с контекстом их теологических изысканий⁵¹. В целом квир-теология, помимо рефлексии над ее специфическим контекстом, занимает сегодня свое место в обсуждении актуальной проблематики инклюзивности, признания и принятия различий, сосуществования разных культур и поведенческих практик и т.д.

Таким образом, за несколько десятилетий своего существования теология освобождения и ее многочисленные инварианты, возникшие в разных социально-культурных контекстах, продемонстрировали тот факт, что теология перестала быть набором неизменных утверждений, высказанных с евроцентричных позиций. Понимание Бога в теологии освобождения оказалось неразрывно связанным с опытом ранее маргинализированных социальных групп, а постижение универсального смысла теологических категорий стало затруднительным без обращения к конкретному социальному опыту.

До сих пор в статье рассматривались преимущественно католические и протестантские версии контекстуальной теологии. Что касается православия, то в нем сегодня преобладает тенденция «возвращения к патристическим истокам», и влияние новых идей и методов, возникших в западной теологии XX в.,

50. Loughlin, G. (2009) "Introduction: The End of Sex", in G. Loughlin (ed) *Queer Theology: Rethinking the Western Body*. John Wiley & Sons.

51. Greenough, C. *Queer Theologies: The Basics*, p. 5.

включая контекстуальную теологию, остается несущественным⁵². Тем не менее, контекстуальный подход стал предметом рассмотрения на двух конференциях (2010 г., Волос, Греция; 2013 г., Клуж-Напока, Румыния) на тему: «Может ли православное богословие быть контекстуальным?» («Can Orthodox Theology Be Contextual? Concrete Approaches from the Orthodox Tradition»). На конференциях обсуждались современные вызовы, стоящие перед православным богословием, а также особенности интерпретации патристического наследия в наши дни⁵³. В целом, проблемы современного мира в православном богословии обсуждаются сегодня преимущественно в экуменическом⁵⁴ и миссиологическом⁵⁵ контексте. Задаваясь вопросами о том, является ли православное богословие полностью зависимым от контекста своего происхождения при его стремлении сохранить верность патристическому наследию и может ли православное богословие быть контекстуальным в сегодняшнем смысле слова, Петрос Вассилиадис пишет о взаимной плодотворности диалога между ним как истинным христианским богословием, данным «свыше», и различными современными контекстуальными теологиями, вдохновленными конкретными ситуациями «на земле»⁵⁶.

Андрей Шишков в статье «Кто скрывается в тени: контуры темной эkkлeзиологии» в этом номере журнала обращается к теме эkkлeзиологии в православном контексте, где, как полагает автор, существует многое такое, что остается в тени, в то же время присутствуя в церкви: в частности, это женщины, гомосексуалы, трансгендеры, некрещенные люди, священные предметы и вещи, а также богословы без иерархического статуса.

52. См.: *Kalaitzidis P.* От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия // Страницы: Богословие. Культура. Образование, 2012. Т. 16. № 3. С. 326–353 (оригинальная статья: Kalaitzidis, P. (2010) “Between the “Return to the Fathers” and the Need for a Modern Orthodox Theology”, *St. Vladimir’s Theological Quarterly* 54(1): 5–36).

53. Статьи, основанные на докладах на конференциях, опубликованы в *Journal of Eastern Christian Studies* (2017) 69(1–4).

54. Anastasios (Archbishop of Tirana and all Albania) (2003) *Facing the World: Orthodox Christian Essays on Global Concerns*. St. Vladimir’s Seminary Press.

55. Здесь имеется в виду деятельность Центра экуменических, миссиологических и экологических исследований (*The Center of Ecumenical, Missiological, and Environmental Studies — CEMES*) в Салониках и его директора Петроса Вассилиадиса.

56. См.: Vassiliadis, P. (2017) “Eucharistic Theology Contextualized?”, *Journal of Eastern Christian Studies* 69(1–4): 293.

Противоречия и проблемы контекстуальной теологии

Итак, разнообразные контекстуальные теологии, возникшие во второй половине XX в., строятся на убеждении в том, что теология не может не быть контекстуальной. Южноафриканский католический теолог Альберт Нолан утверждал, что в современном мире теология является не наукой о Боге, но исследованием того, что Бог говорит и делает в конкретном контексте, следовательно, «всякая теология контекстуальна»⁵⁷. С точки зрения теологии освобождения, все теологии должны признавать тот факт, что они возникают под влиянием специфических проблем, стоящих перед людьми в конкретных обстоятельствах. Теологии не являются «объективными» и «истинными», и, следовательно, не могут прилагаться ко всем людям во всех контекстах⁵⁸. Но именно в этом кроется одно из главных противоречий, связанных с самой природой контекстуализации: поскольку контекстуальная теология зависит от контекста, на который она стремится отозваться, то это означает, что она им же и ограничена. Как об этом пишет Стивен Бивенс, «контекстуальная теология может быть настолько укорененной в своем собственном контексте, что оказывается неспособной общаться и говорить с теологией других народов или других церквей»⁵⁹. При этом самого Бивенса отчасти критиковали за то, что его контекстуальные модели являлись примером постмодернистского релятивизма в теологии, который может привести к возникновению бесчисленного количества взаимоисключающих концепций⁶⁰.

Причины трудностей с переносом теологий из одного контекста в другой могут быть связаны с излишней конкретизацией контекста, о чем свидетельствует, например, приведенное

57. Nolan, A. (1995) "What is Contextual Theology? A South African Perspective", in S. Bergmann, G. Eidevall (eds) *Upptäckter i kontexten: teologiska föreläsningar till minne av Per Frostin* [Discoveries in the context: Theological lectures in memory of Per Frostin], p. 12. Lund: Institutet för Kontextuell Teologi.

58. Pears, A. *Doing Contextual Theology*, p. 168.

59. Bevans, S.B. "What Has Contextual Theology to Offer the Church of the Twenty-First Century?", p. 15.

60. Cahalan, K.A. (2005) "Three Approaches to Practical Theology: Theological Education, and the Church's Ministry", *International Journal of Practical Theology* 9(1). DOI: 10.1515/IJPT.2005.005. Следует заметить, что Стивен Бивенс категорически отвергал обвинение в постмодернистском релятивизме (Bevans, S. *Essays in Contextual Theology*, p. 47).

выше высказывание Джеймса Коуна, согласно которому «чернота» Бога оказывается его эксклюзивной чертой. Интересно отметить, что представительницы «женской» (*womanist*) теологии критиковали черную теологию за непредставленность проблем черных женщин⁶¹, а феминистскую теологию считали неадекватной, поскольку «она является белой и расистской»⁶². Эти примеры свидетельствуют о том, что чрезмерная узость контекста приводит теологов к взаимным обвинениям в излишнем внимании к одним обстоятельствам и в недооценке других. Кроме того, контекстуальные теологии склонны строить свою рефлексию на какой-то одной черте социально-исторической ситуации, будь то «преимущественный выбор в пользу бедных»⁶³, несправедливость, угнетение, эксклюзия и т.п., тем самым исключая из поля своего зрения всех тех, кто не подходит под эти определения.

Излишняя конкретизация контекста также может приводить к его абсолютизации. Примером этому может служить высказывание аргентинского богослова Айвана Петреллы по поводу теологии освобождения, которая, как он подчеркивает, родилась из борьбы бедных и угнетенных и привела к эпистемологическому разрыву со всей «западной, процветающей, белой и мужской теологической традицией»⁶⁴. Теология, создаваемая в контексте угнетения, по мысли Петреллы,

укоренена в самом широком контексте на сегодняшний день и максимально приближена к тому, чтобы стать первой поистине глобальной теологией. Все теологии являются частными и локальными, но теологии освобождения в своей партикулярности являются

61. Cannon, K. (1987) "Hitting a Straight Lick with a Crooked Stick: The Womanist Dilemma in the Development of a Black Liberation Ethic", *The Annual of the Society of Christian Ethics* 7: 165–177.

62. Grant, J. *White Women's Christ and Black Women's Jesus: Feminist Christology and Womanist Response*, p. 195.

63. Следует отметить, что Густаво Гутьеррес, отвечая на упреки в односторонности, подчеркивал, что «само слово "предпочтение" отрицает всякую исключительность, как если бы Бог интересовался только бедными, в то время как слово „выбор“ нельзя понимать как „необязательный“». Скорее, дело в том, что бедные — это первые, но не единственные, на ком сосредоточено внимание Бога, и поэтому у церкви нет другого выбора, кроме как продемонстрировать солидарность с бедными» (Gutierrez, G.A. *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*, p. xxv).

64. Petrella, I. (2008) *Beyond Liberation Theology: A Polemic*, p. 134. SCM.

настолько универсальными, насколько это вообще возможно для теологии⁶⁵.

Дэвид Бош считал подобную абсолютизацию контекста значительно более серьезной опасностью, чем его конкретизацию. Именно абсолютизация была характерна для западного миссионерства в странах «третьего мира», когда теология, возникшая в Западной Европе, была

возвышена до статуса Благой вести и экспортирована в другие страны как часть общего пакета [миссии — Е. С.]. В этом случае контекстуализация означает универсализацию конкретной теологической позиции, превращение ее в общеупотребительную и обязательную для принятия. Если западная теология не имела иммунитета против этой тенденции, то тем более его нет у контекстуальных теологий третьего мира. В результате на месте прежнего империализма в теологии возникает новый⁶⁶.

Этот новый «теологический империализм», присущий иногда теологиям освобождения, феминистским и/или квир-теологиям, имеет тенденцию не только к обособлению, но и к объявлению себя очередной окончательной истиной христианства. К этому прибавляется абсолютизация конкретных исторических ситуаций и восприятие их как неизменных. Важен в этой связи пример теологии освобождения, которая в 1960–70-х гг. являла собой новое слово в теологии, а к 1990-м гг., как отмечает Лилиан Баргер⁶⁷, многими стала восприниматься как устаревший и не слишком удачный продукт революционного энтузиазма 1960-х гг. в Латинской Америке⁶⁸. Вообще в истории есть немало примеров неадекватной теологической оценки того, что принималось за знаки, свидетельствовавшие о Божьем присут-

65. Ibid., p. 135.

66. Bosch, D.J. *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*, p. 437.

67. Barger, L.C. *The World Come of Age: An Intellectual History of Liberation Theology*, p. 1.

68. Об изменении прежней критической позиции католической церкви в отношении теологии освобождения свидетельствует встреча Густаво Гутьерреса с папой Франциском в мае 2015 г. См.: “Catholic Church Warms to Liberation Theology as Founder Heads to Vatican”, *The Guardian*, May 11, 2015 [<https://tinyurl.com/udd5fypw>, accessed on 1.06.2021].

ствии в мире, и от чего впоследствии приходилось отказываться: это оправдание рабства некоторыми деноминациями в США в XVII–XIX вв., отношение к нацизму в Германии со стороны *Deutsche Christen*, поддержка апартеида реформатской церковью в ЮАР и т.д. Таким образом, несмотря на всю важность контекста, его не следует воспринимать в качестве единственного основания теологической рефлексии⁶⁹, поскольку оценка конкретного контекста всегда подразумевает опору на такие понятия, как истина и справедливость, которые требуют метафизического обоснования и тем самым выходят за пределы любого контекста⁷⁰.

Наконец, важное критическое замечание в адрес методов контекстуальной теологии высказывают представители евангелического направления в христианстве, опирающиеся на первенство и непогрешимость Писания. С этой точки зрения, понимание контекста, безусловно, важно для понимания Слова Божьего, обращенного к конкретным людям в их исторической ситуации, однако

в продолжающемся диалоге между контекстом и Словом Божьим, которое мы открываем в Писании, именно последнее всегда является наиболее авторитетным голосом. Таким образом, контекстуализация и теологическая рефлексия не могут сами по себе сформулировать ответы от имени Писания так, чтобы они коррелировали с вопросами, которые задает культура. Писание часто приглашает культуру к переосмыслению вопросов, в ходе которого получает новое освещение то, что действительно имеет значение⁷¹.

Другими словами, вопрос в том, в какой мере теологическая рефлексия, связанная с конкретной социально-культурной практикой, сохраняет верность Благой вести и в том, может ли человеческий опыт — как опыт прошлого, так и опыт настоящего — сам по себе быть источником теологии. На эту тему в этом

69. Stackhouse, M. L. (1988) *Apologia: Contextualization, Globalization, and Mission in Theological Education*, p. 26. Wm. B. Eerdmans Publishing.

70. Ibid., p. 96.

71. Hoare, L., Van den Toren, B. (2015) “Evangelicals and Contextual Theology: Lessons from Missiology for Theological Reflection”, *Practical Theology* 8(2): 12.

номере журнала рассуждает Светлана Коначева в статье «От *creatio ex nihilo* к *creatio ex profundis*: переосмысление доктрины творения в постметафизической теологии», где, по словам автора, «творение осмысливается в контексте попыток преодолеть властный дискурс и отделить идею божественного от властного суверенитета».

Заключение

Проведенное выше по необходимости краткое исследование некоторых существующих сегодня вариантов контекстуальной теологии, тем не менее, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, я назвала наиболее значимых авторов, развивающих теологию на основе принципа контекстуальности; во-вторых, я выделила характерные черты, достижения и противоречия контекстуальной теологии. Наконец, в-третьих, ниже я попытаюсь представить возможную типологию, где главным критерием оказывается степень осознания автором той или иной теологической концепции ее контекстуальной природы.

К первому типу можно отнести методологию истории теологических учений, в которой изучение той или иной их конфессиональной разновидности строится на основе такой исследовательской парадигмы, в которой главным предметом оказываются не только утверждаемые в ней догматические положения, но также вопрос об источниках и причинах, по которым они получают свою конкретную форму. Другими словами, это вопрос не о том, что утверждает тот или иной теолог, а о том, почему он (она) утверждает именно это. Алистер Макграт обозначает такой подход как «историческую теологию», возникновение которой он относит к XVI в., то есть ко времени дебатов по поводу аутентичности христианства, и подчеркивает ее роль в разрешении противоречия между универсальностью и партикулярностью:

На теологические формулировки в наибольшей степени влияют локальные обстоятельства. Христианская теология рассматривает себя в качестве универсальной..., но в то же время для нее характерна партикулярность, то есть опыт Божьего спасительного действия в отдельных культурах, а также опыт прозрений и возможностей людей, которые ищут способ жить в соответствии с Благой вестью в конкретном контексте. Поэтому универсальность христи-

анства не противоречит его конкретному приложению, но дополняется им⁷².

Примером «исторической теологии» в этом номере является статья Алексея Волчкова «Скопцы царствия. Интерпретация Мф. 19.12 в раннехристианском движении», которая посвящена исследованию вопроса о контекстуальной обусловленности того, как читалось и воспринималось известное место из Евангелия от Матфея (существуют «скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного») в разные периоды античного христианства.

Ко второму типу относятся те авторы, которые в той или иной степени включают свой социально-культурный контекст в область теологической рефлексии. Некоторые из таких теологов уже были названы в начале настоящей статьи. Представляя свой список таких теологов, Энджи Пирс отмечает, что для анализа соотношения между их судьбой, ситуацией, культурным контекстом и созданными ими теологиями могут быть выбраны разные персонажи; при этом «каждый такой список будет зависеть от того, кто его составляет, а также от изучаемого географического и религиозного контекста»⁷³.

Наконец, к третьему типу относятся теологии, *осознанно* выходящие за пределы контекстуальности в качестве своей основной методологии и стратегии. С точки зрения Сигурда Бергмана,

контекстуальная теология — это интерпретация христианской веры, которая происходит из осознания ее контекста. Эта интерпретация... возникает в связи и в диалоге с людьми, явлениями и традициями нашего века и окружающего мира. Контекстуальная теология не только использует опыт, который возникает в особых ситуациях, но она также активно стремится изменять контекст, тем самым становясь частью процесса культурного обновления⁷⁴.

Таким образом, контекстуальный подход к христианской теологии подразумевает принципиальное изменение традиционно-

72. McGrath, A. E. (2012) *Historical Theology: An Introduction to the History of Christian Thought*, p. 8. John Wiley & Sons.

73. Pears, A. *Doing Contextual Theology*, p. 7.

74. Bergmann, S. *God in Context: A Survey of Contextual Theology*, p. 4.

го отношения к ней как к знанию о Боге, находящемуся за пределами всякой критики. Наоборот, контекстуальный подход рассматривает это знание, как и всякое другое, как постоянно изменяющееся под влиянием изменяющихся обстоятельств. В свете этого нового подхода можно утверждать, что *всякая* теология во все времена является контекстуальной, но не всякая теология это осознает. В то же время *некоторые* варианты теологии намеренно и сознательно включают контекст в свое содержание⁷⁵.

Вернемся еще раз к вопросам, поставленным в названии и в начале настоящей статьи, прежде всего к вопросу о соотношении универсального и частного в теологии, который можно решать по-разному. Так, вполне определенно высказывался по этому поводу Джеймс Коун, для которого всякая теология является прежде всего партикулярной независимо от того, признает она это или нет: «Не существует универсализма, который не был бы партикулярным»⁷⁶. Более умеренную точку зрения сформулировал Пер Фростин, для которого признание контекстуальности

подразумевает отвержение любых претензий на универсальную ценность, высказываемых какой-либо теологией. Тем не менее, это признание является исключительно важным критическим принципом, в соответствии с которым все теологии, в том числе те, которые претендуют на универсальность, на самом деле зависят от своего контекста⁷⁷.

Наиболее плодотворной представляется точка зрения, согласно которой существуют такие вероучительные положения, которые разделяются всеми христианами и превосходят любой конкретный социально-культурный контекст, в то же время находясь с ним в диалектическом соотношении. К этим вероучительным положениям в первую очередь относится само событие Иисуса Христа, которое, как это демонстрируют разнообразные контекстуальные теологии, обладает бесконечной

75. Pears, A. *Doing Contextual Theology*, p. 8.

76. Cone, J.H. *God of the Oppressed*, p. 137.

77. Frostin, P. "The hermeneutics of the Poor — The epistemological "break" in Third World theologies", p. 135.

способностью открывать в себе новые смыслы и находить отклик у людей, находящихся в самых разных социально-культурных условиях.

Как писал об этом Дэвид Бош, каждая контекстуальная теология рассуждает о сущности универсального послания, и поэтому каждая «*theologia localis* должна вопрошать и оплодотворять *theologia oecumenica*, а последняя, соответственно, обогащать и расширять перспективы первой»⁷⁸. Бог открывается людям на том языке, на котором они говорят, и в тех обстоятельствах, в которых они находятся, и в этом смысле человеческий опыт переживания христианского откровения становится контекстом и содержанием теологии: «Это означает, что никакая “одна” теология — апостолическая, патристическая, византийская и т.д. — не может быть аутентичной, самоочевидной вечной истиной, действенной всегда и везде»⁷⁹. Универсальность христианского послания заключается в его способности ответить тем, кто его слышит, и откликнуться на любую прошлую, настоящую и будущую конкретную человеческую ситуацию.

Библиография / References

Калашицис П. От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия // Страницы: Богословие. Культура. Образование, 2012. Т. 16. № 3. С. 326–353.

Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом», 2004.

Anastasios (Archbishop of Tirana and all Albania) (2003) *Facing the World: Orthodox Christian Essays on Global Concerns*. St. Vladimir's Seminary Press.

Appiah-Kubi, K., Torres, S. (eds) (1979) *African Theology en route*. Maryknoll, New York: Orbis Books.

Barger, L.C. (2018) *The World Come of Age: An Intellectual History of Liberation Theology*. Oxford University Press.

Bergmann, S. (2003) *God in Context: A Survey of Contextual Theology*. Ashgate.

Bevans, S.B. (2002) *Models of Contextual Theology*. Orbis Books.

Bevans, S.B. (2012) “What Has Contextual Theology to Offer the Church of the Twenty-First Century?”, in S.B. Bevans, K. Tahaafe-Williams (eds), *Contextual Theology for the Twenty-First Century*, pp. 3–17. James Clarke Company.

Bevans, S.B. (2018) *Essays in Contextual Theology*. Boston: Brill.

Bonino, J.M. (1975) *Doing Theology in a Revolutionary Situation*. Fortress Press.

78. Bosch, D.J. *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*, p. 437.

79. Vassiliadis, P. “Eucharistic Theology Contextualized?”, p. 292.

- Boesak, A.A. (1977) *Farewell to Innocence. A Social-Ethical Study on Black Theology and Black Power*. Kampen: Uitgeversmaatschappij J.H. Kok.
- Boff, L. (1979) *Liberating Grace*. Orbis Books.
- Bosch, D.J. (2011) *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*. Orbis Books.
- Brett, M., Havea, J. (eds) (2014) *Colonial Contexts and Postcolonial Theologies: Story-weaving in the Asia-Pacific*. Palgrave Macmillan.
- Cahalan, K.A. (2005) "Three Approaches to Practical Theology: Theological Education, and the Church's Ministry", *International Journal of Practical Theology* 9(1): 64–94.
- Cannon, K. (1987) "Hitting a Straight Lick with a Crooked Stick: The Womanist Dilemma in the Development of a Black Liberation Ethic", *The Annual of the Society of Christian Ethics* 7: 165–177.
- "Catholic Church Warms to Liberation Theology as Founder Heads to Vatican," *The Guardian*, May 11, 2015 [<https://tinyurl.com/udd5fypw>, accessed on 1.06.2021].
- Cone, J.H. (1969) *Black Theology and Black Power*. Seabury Press.
- Cone, J.H. (1970) *A Black Theology of Liberation*. Philadelphia: J.P. Lippincott.
- Cone, J.H. (1977) *God of the Oppressed*. SPCK.
- Dei, D. (2019) "An Integrated Approach to Theological Contextualization in Africa", *Currents in Theology and Mission* 46(3): 11–17.
- Ezigbo, V.I. (2010) *Re-imagining African Christologies: Conversing with the Interpretations and Appropriations of Jesus in Contemporary African Theology*. Eugene: Pickwick Publications.
- Frostin, P. (1985) "The hermeneutics of the Poor — The epistemological 'break' in Third World theologies", *Studia Theologica — Nordic Journal of Theology* 39(1): 127–150.
- Frostin, P. (1992) "Systematic theology in a pluralistic society", *Studia Theologica — Nordic Journal of Theology* 46(1): 15–27.
- Grant, J. (1989) *White Women's Christ and Black Women's Jesus: Feminist Christology and Womanist Response*. Atlanta: Scholars Press.
- Greenough, C. (2019) *Queer Theologies: The Basics*. London: Routledge.
- Gutierrez, G.A. (1988) *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*. London: SCM.
- Gunkel, H. (1917) *Das Märchen im Alten Testament*. Tübingen: Mohr.
- Hesselgrave, D.J., Rommen, E. (eds) (2000) *Contextualization: Meanings, Methods, and Models*. Pasadena, California: William Carey Library.
- Jenkins, P. (2011) *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*. Oxford University Press.
- Hoare, L., van den Toren, B. (2015) "Evangelicals and Contextual Theology: Lessons from Missiology for Theological Reflection", *Practical theology* 8(2): 1–22.
- Hopkins, D.N. (1999) *Introducing Black Theology of Liberation*. Maryknoll, New York: Orbis.
- Hopkins, D.N., Lewis, M. (2009) *Another World Is Possible: Spiritualities and Religions of Global Darker Peoples*. London: Equinox.
- Irvin, D.T., Phan, P.C. (eds) (2018) *Christian Mission, Contextual Theology, Prophetic Dialogue: Essays in Honor of Stephen B. Bevans, SVD*. Orbis Books.
- Pope John Paul II (1997) *The Theology of the Body: Human Love in the Divine Plan*. Pauline Books & Media.

- Jensen, D.H. (2013) *God, Desire, and a Theology of Human Sexuality*. Westminster John Knox Press.
- Joy, D., Duggan, J. (eds) (2012) *Decolonizing the Body of Christ: Theology and Theory after Empire?* Springer.
- Kalaitzidis, P. (2010) "Between the "Return to the Fathers" and the Need for a Modern Orthodox Theology", *St. Vladimir's Theological Quarterly* 54(1): 5–36.
- Kim, A.E. (2018) "Minjung Theology in Contemporary Korea: Liberation Theology and a Reconsideration of Secularization Theory", *Religions* 9(12): 415.
- Loughlin, G. (2009) "Introduction: The End of Sex", in G. Loughlin (ed), *Queer Theology: Rethinking the Western Body*, pp. 1–34. John Wiley & Sons.
- McGrath, A.E. (2012) *Historical Theology: An Introduction to the History of Christian Thought*. John Wiley & Sons.
- McFague, S. (1982) *Metaphorical Theology: Models of God in Religious Language*. Fortress Press.
- Ministry in Context: The Third Mandate Programme of the Theological Education Fund (1970–77)* (1972) London: Theological Education Fund, WCC.
- Nelson, J.B. (1992) *Body Theology*. Westminster John Knox Press.
- Nolan, A. (1995) "What is Contextual Theology? A South African Perspective", in S. Bergmann, G. Eidevall (eds) *Upptäckter i kontexten: teologiska föreläsningar till minne av Per Frostin* [Discoveries in the context: Theological lectures in memory of Per Frostin], pp. 10–19. Lund: Institutet för Kontextuell Teologi.
- Pears, A. (2010) *Doing Contextual Theology*. London: Routledge.
- Petrella, I. (2008) *Beyond Liberation Theology: A Polemic*. SCM.
- Reddie, A. (2012) *Black Theology*. Hymns Ancient and Modern Ltd.
- Ruether, R. (1975) *New Woman — New Earth: Sexist Ideologies and Human Liberation*. Seabury Press.
- Sanneh, L. (2003) *Whose Religion Is Christianity? The Gospel Beyond the West*. Eerdmans Publishing Company.
- Schlag, M. (2019) "The Preferential Option for the Poor and Catholic Social Teaching", in E.V. Bradley, C. Brugger (eds) *Catholic Social Teaching: A Volume of Scholarly Essays*, pp. 468–482. Cambridge University Press.
- Schleiermacher, F. (2004) *Germenevtica* [Hermeneutics]. Sankt-Petersburg: "Evropeiskiy dom".
- Schreiter, R.J. (1985) *Constructing Local Theologies*. Orbis Books.
- Schreiter R. (2005) *Formirovanie lokal'nykh bogoslovii* [Formation of local theologies]. SPb: «Bibliia dlia vseh».
- Schussler Fiorenza, E. (1998) *Sharing Her Word: Feminist Biblical Interpretation in Context*. Continuum International Publishing Group.
- Segundo, J.L. (1976). *The Liberation of Theology*. Maryknoll, New York: Orbis Books.
- Shore-Goss, R.E., et. al. (eds) (2013) *Queering Christianity: Finding a Place at the Table for LGBTQI Christians*. ABC-CLIO.
- Sobrinho, J. (1978) *Christology at the Crossroads: A Latin American Approach*. Orbis Books.
- Stackhouse, M. L. (1988) *Apologia: Contextualization, Globalization, and Mission in Theological Education*. Wm. B. Eerdmans Publishing.
- Stuart, E. (1997) *Religion Is a Queer Thing: A Guide to the Christian Faith for Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgendered People*. Cassell.

- Swinton, J. (ed) (2005) *Critical Reflections on Stanley Hauerwas' Theology of Disability: Disabling Society, Enabling Theology*. London: Routledge.
- Turaki, Y. (2020). *Engaging Religions and Worldviews in Africa: A Christian Theological Method*. Langham Publishing.
- Vassiliadis, P. (2017) "Eucharistic Theology Contextualized?", *Journal of Eastern Christian Studies* 69(104), pp. 281–306.
- Walker, A. (1983) *In Search of Our Mothers' Gardens: Womanist Prose*. Harcourt Brace Jovanovich.